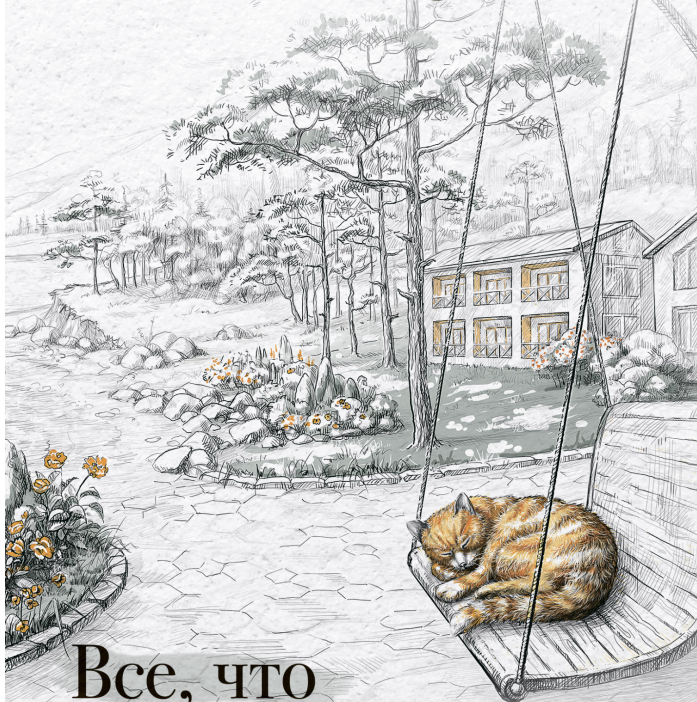

МАША ТРАУБ

Все, что
произошло в отеле

Маша Трауб

Все, что произошло в отеле

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68968710
Все, что произошло в отеле: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184559-9*

Аннотация

Идиллический отель на берегу залива. Покой и благолепие. Однако отпуск некоторых гостей портит исчезновение и возможное убийство одной из постоялиц. У каждого из свидетелей – свои тайны. Приехавшего следователя тоже с этим отелем многое связывает. Показания каждого участника событий становятся исповедью, поиск пропавшей – поиском самих себя и – поиском родных людей и места, которое можно назвать домом.

Маша Трауб

Все, что произошло в отеле

© Трауб М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Когда я поняла, что все люди – идиоты? Если честно, давно. Кажется, я уже родилась с этим знанием. Наверное, в детстве еще сомневалась – ну не могут же быть абсолютно все взрослые такими... неразумными, не способными хоть немного рассуждать здраво и смотреть хотя бы на полшага вперед. Нет, все живут сегодняшним днем и действуют по принципу «сгорел сарай – гори и хата». Но, видимо, меня окружали именно такие люди – не пользующиеся мозгами даже на один процент, совершающие лишеные всякого смысла поступки. Поддающиеся сиюминутным желаниям, не задумываясь, к каким последствиям они приведут. Но хотя бы риски ведь оценить можно?

Начнем с меня. Мне пятнадцать лет, я считаюсь трудным подростком лишь потому, что мне пятнадцать. И не важно, как я при этом себя веду. А веду я себя очень спокойно. Предпочитаю читать книги и слушать классическую музыку. Если бы вы послушали то же, что и некоторые взрослые, то-

же перешли бы на Чайковского.

В школе я считаюсь тихоней. Не зубрилой, не ботаном – просто некой тенью, которая занимает третью парту в ряду у стены. Учителя про меня вспоминают, только если наткнутся в журнале на фамилию. А так... все внимание обычно сосредоточено на тех, кто сидит у окна и посередине. Так устроен человеческий мозг – замечает то, что справа, а слева уже не столь важно. Кажется, даже учителя так и не смогли поставить мне диагноз. Если спрашивают – я всегда отвечаю, если не спрашивают – молчу. Тесты и контрольные пишу прилично, на списывании меня никогда не ловили. Я не яркая, не наглая, не шокирую внешним видом. Обычная, среднестатистическая девочка из тех, кого не запоминаешь ни с первого, ни со второго взгляда.

Меня зовут Таисия. Тася, Туся, Тая, Ася... Как меня только не называют. Какое редкое имя! Ну не такое уж редкое, учитывая, что в нашем классе есть Анна-Мария, Аврора и Зоя... Зайдите в класс к первоклашкам – вообще имена никогда не выучите. Почему мама меня так нарекла – а это была исключительно ее инициатива? Потому что во время беременности ей в руки попала книга «Таис Афинская». Мне, можно сказать, повезло – мама под впечатлением назвала меня в честь... э... гетеры... то есть проститутки, но не самой, так сказать, известной. А вдруг бы ей в руки попала другая книга? Тогда бы меня назвали Сонечкой, Наной или Маргаритой. Лучше уж Таисией. Спасибо женщине в

ЗАГСе, которая в свидетельстве о рождении записала именно так – Таисия, а не Таис, на чем настаивала моя родительница. Та милая женщина сказала, что такого имени нет, записать именно так она не имеет права, поэтому запишет как положено. В подростковом возрасте я прочла «Таис Афинскую», она мне совершенно не понравилась, и я все гадала: а мама вообще поняла, что назвала меня в честь проститутки?

Есть еще одна проблема. Некоторые девочки в пятнадцать выглядят как... Ну они и набоковскому Гумберту показались бы староватыми и перезрелыми. А у меня мальчишеская фигура. Видимо, пошла в отца. Иногда ловлю взгляд мамы в зеркале. В нем читается жалость, что ли. Да, я не могу похвастаться роскошной грудью, как моя родительница, у которой это предмет гордости. Грудь у меня, конечно, есть, но мама как-то заметила, что таких, как я, раньше называли «доска два соска» или «плоскодонка». А еще «волшебница». Потому что, если поднять руки, грудь исчезает. Вот и скажите мне, что это не полный идиотизм. Мама еще смеялась, как смеются хорошей шутке.

– Тебе не понять, – хмыкнула она, когда я спросила, что смешного-то. Пошлость и тупость. Я уж молчу про то, что слышать подобные замечания от собственной матери, скажем так, неприятно.

Я достаточно высокая для своего возраста и худая. «Проще убить, чем прокормить» – любимое замечание моей ро-

дительницы, хотя ем я мало на самом деле. Поскольку я эту фразу слышала с раннего детства, к подростковому возрасту у меня выработался стойкий иммунитет на нелестные замечания о моей внешности. Мама же – мягкая во всех местах. Если она смеется над моей фигурой, то зачем запикивает себя в утягивающие панталоны? Стесняется своего живота и бедер? Однажды она поймала мой взгляд в зеркале и отреагировала резко:

– Я выносила и родила тебя! Поэтому у меня есть живот! И растяжки на бедрах! Вот посмотри, чем ты меня наградила!

Она стянула панталоны и продемонстрировала исполосованные растяжками и целлюлитом ноги. Мне хотелось сказать, что я никак не повинна в своем появлении на свет, но, как всегда, промолчала. Мама же решила, что я как-то неправильно отреагировала и швырнула в меня панталонами. Я не ожидала, не успела увернуться... Знаете, когда тебе в лицо прилетают материнские панталоны, это не больно, конечно же, но кажется, что всё. Черта пройдена. За край уже заступили, и назад пути нет. Может, дело именно в нижнем белье, может, в том, что панталоны прилетели в лицо, – не знаю. Но именно в тот момент я поняла – всё. Невозможно ни простить, ни принять. Мама этого не почувствовала: собираясь на встречу, которую она всегда называла рабочей, как прежде, заходила ко мне в комнату и вертелась перед зеркалом. В моей комнате в шкафу зеркало было в полный

рост, а в ее – небольшое. Я не понимала, почему нельзя поменять шкафы, и несколько раз предлагала это сделать.

– Я тебе что, мешаю? – возмущалась мама.

– Нет, но так будет удобнее. Тебе, – отвечала я, вместо того чтобы ответить честно: да, мешаешь, даже очень.

– Как я выгляжу? – спрашивала мама, будто я была ее подругой.

– Нормально, – пожимала плечами я, сидя над домашним заданием.

– Это ты от зависти, да? – тут же срывалась мама. И вот как я должна была объяснить взрослому человеку, собственной матери, что у нас с ней иные связи? Родственные. Мать и дочь. Мы не соперницы, не подружки, не знакомые. Это я в своем подростковом возрасте должна спрашивать, как я выгляжу, а не она. Это она должна обо мне заботиться, а не я о ней, каждое утро готовя завтрак на двоих – себе и ей.

– Тебе что, сложно сварить еще одно яйцо? – искренне не понимала мама, когда я ей однажды на это намекнула.

Или мне надо было напрямую сказать ей, что мать не должна выглядеть как... гетера, а именно так она и выглядела, собираясь на встречи? Что мне, может быть, как минимум неловко наблюдать, как она собирается и уходит, и слышать, как возвращается, иногда не одна? Мама считала меня достаточно взрослой для того, «чтобы понимать ситуацию», как она выражалась.

– Я еще молодая женщина! – кричала она. – Ты должна

меня понимать.

Да, наверное. Но не понимала. Как можно было связываться с такими идиотами? Как можно ложиться с ними в одну постель? А мама выбирала исключительно идиотов, что подтверждало мою теорию. Умные люди – исключение из общего правила. Счастье, если тебе встретится умный человек.

Моя родительница была убеждена, что я отстаю в развитии. Она имела в виду и физическое, и умственное. Про физическое замечала с нежной жалостью в голосе, что «может, грудь еще и вырастет немного». Или что «некоторым мужчинам такое нравится, вдруг и замуж сможешь выйти». Эту фразу она произносила, имея в виду исключительно маньяков и извращенцев. Потому как нормальному мужчине, с ее точки зрения, маленькая грудь нравится не может. Или «ну мало ли сумасшедших... вдруг вы и встретитесь». Это уже относилось к тому, что мне, возможно, попадетя на пути маменькин сынок, непременно очкарик с жирными, невымытыми волосами, жалкой бороденкой, бледный и тощий, или, наоборот, упитанный, как поросенок, зато начитанный, как и я. То есть не от мира сего.

Личного счастья она мне если и желала, то явно не с принцем на белом коне. Мол, довольствуйся хоть кем-то – и то радость. Обижалась ли я не нее? Нет. У каждого свое представление о прекрасном. Мне вот ее Пашечка – предпоследний поклонник – казался маньяком: взгляд бегающий, глазки маленькие, собранные в кучку на переносице, лицо со следа-

ми подросткового акне, подбородок безвольный. Пашечке, как называла его моя мама, явно стоило почаще принимать душ и получше промывать свои жирные космы, разметанные по плечам. Моя родительница находила его романтичным и тонко чувствующим. Ну у каждого свой принц.

Зачем я об этом рассказываю? Чтобы вы поняли – дети видят больше, чем вы, взрослые, думаете. И слышат тоже, кстати. А часто и лучше соображают. Если человек сидит и молчит, его рано или поздно начинают принимать за тумбочку. Если он в какой-то момент открывает рот, чтобы сказать, например, «спасибо» или «доброе утро», смотрят так, будто тумбочка вдруг заговорила.

Когда у меня спрашивают, сколько мне лет, и слышат, что пятнадцать, быстро отстают с разговорами, будто я заразная. Взрослые очень боятся подростков. Они считают нас неадекватными «от слова “совсем”», как иногда выражается моя родительница, и этот оборот меня не просто раздражает, а бесит. Как и выражения мамы моей лучшей подруги Ники. Та просто обожает говорить «я в ресурсе» или «я не в ресурсе». Но она – психолог, так что я списываю это на профессиональную деформацию. О Никиной матери я расскажу чуть позже. Так вот, товарищи взрослые, подростковые взрывы эмоций, категоричность, а точнее честность, кажущиеся вам странностями в поведении, не передаются воздушно-капельным путем, как простуда. Или ветрянка, например. Еще раз повторяю – не все подростки мечтают набить себе татуху на

лице, ходят с лезвием в кармане, чтобы нанести себе порезы, не все употребляют наркотики и завтракают энергетиком, заедая чипсами. Я же говорю: люди – идиоты.

Опять же вот моя мать. Поверьте, я никак не хочу ее обидеть, это просто констатация факта. Иначе зачем она покупает мне заколку в виде цветочка? Или лак для ногтей розового цвета? Преподносит так, будто живого единорога в квартиру привела. Я говорю спасибо. Не могу же я объяснить собственной матери, что мне уже не пять лет. И единорогов, кстати, терпеть не могу. Мама же, покупая очередную пижаму, густо усеянную единорогами, будто сбежавшими из психлечебницы, уверена в обратном. Она все-таки удивительная женщина. Иногда я ею даже восхищаюсь. Точнее, ее умением не замечать того, что находится под носом. Перед этой поездкой я сделала на руке временную татуировку: переводилку, которая выглядит как настоящая и держится две недели. Первое время скрывала под рубашкой с длинными рукавами, все еще надеясь, что моя родительница поведет себя как нормальная мать. Заломит руки, например. Зальется слезами. Прочтет нравоучительную лекцию. В Москве тогда стояла адская жара, все ходили чуть ли не голыми, а я – в рубашке с длинными рукавами. Потом мне надоело париться – в прямом и переносном смысле этого слова, – и я надела футболку. Но моя родительница ничего не заметила. Интересно, она знает, что такое переносное значение слов? Мне кажется, нет. У нее вообще плохо с аллюзиями, ассоциациями, я

уж не говорю про игру слов или юмор, который требует хоть какого-то шевеления извилин. Нет, не подумайте. Я люблю свою мать в той мере, в какой ее может любить дочь-подросток, которую считают «наказанием всей жизни». Я ей благодарна за то, что она подарила мне жизнь. Она любит мне это напоминать с невыносимым пафосом, которого даже не замечает: «Я же подарила тебе жизнь!» Я не считаю ее худшей матерью на свете – она, во всяком случае, не оставила меня в доме малютки и не отправила в детский дом, хотя вполне могла, с нее станется. «Я дала тебе все, что могла!» – иногда кричит она, и я в это верю. Да, действительно, все, что могла. Не дала умереть с голоду, это да. Не заставила скитаться по улицам – тоже спасибо огромное. Пусть и в самый последний момент записывала в детский сад, школу. Так что, можно сказать, обеспечила мне стандартное образование.

– Когда же тебе исполнится шестнадцать?

Мама задавала этот вопрос приблизительно с моих шести лет. В детстве я очень пугалась, не зная, что должно произойти именно в шестнадцать: уколюсь о веретено и усну беспробудным сном? Буду спать в хрустальном гробу? Став старше и прочитав некоторое количество книг, я думала, что мама боится моей смерти в родах, что часто случалось с героинями в романах. Или что меня обесчестят, я «принесу в подоле», окажусь на паперти. Проблема была в том, что я не до конца понимала значение слова «обесчестить» и кого и куда

я должна «принести в подоле». Ну и паперти в нашей округе не наблюдалось. Еще спустя некоторое время я задала маме вопрос в лоб, почему она так ждет моего совершеннолетия.

– Тогда ты получишь паспорт и сможешь работать. Мне не нужно будет тебя содержать, – ответила мама, глядя так, будто я задала ей самый глупый из всех возможных вопросов.

– А если не смогу найти работу? Если захочу учиться в институте? – уточнила я, потому что очень хотела поступить в институт. Ведь именно там я смогу заниматься тем, что мне нравится больше всего, – читать книги.

Мама пожала плечами. Мол, твои проблемы. Я-то тут при чем? Все, живи своей жизнью. Но пока мне пятнадцать, так что мама все еще меня содержит и терпит. Наверное, я должна быть ей за это благодарна.

Но благодарность не мешает мне считать родительницу... ну ей недостает образования, я бы так сказала. Нет, она не дура. По-своему, конечно. Но хотелось бы, чтобы она хотя бы пару-тройку книг из классической художественной литературы прочла. Может, что-то и откликнулось бы в ее душе, параллели бы какие-то сложились. На самом деле я знаю, что этого не случится никогда, но мне же как-то надо оправдать собственную мать? Читать она не любит. Говорит, голова начинает болеть. И почти сразу засыпает – ей скучно. Я подкладывала ей книги, надеясь, что она увлечется сюжетом, но все напрасно. Мама ни одну не открыла.

Не то чтобы она предпочитала женские журналы, разгадывание кроссвордов или sudoku. Буквы, любые, наводят на нее смертельную тоску. Наверное, в этом я тоже пошла в отца – меня как раз буквы завораживают. Читать, наслаждаясь аллегориями, игрой слов. Следить за развитием сюжета – как тут уснуть? Плакать над судьбами героев, их участью. Возмущаться их поступками, действиями. Вскипать от несправедливости, жестокости. Я могла ночь прорыдать над книгой. Мама же считала, что я страдаю расстройством психики, о чем, к счастью, предпочитала молчать. Дочь-сумасшедшая ей точно была не нужна. И оставалось потерпеть всего ничего. До совершеннолетия.

С юмором у мамы точно беда. Ей нужно говорить «лопата» – в каком месте надо смеяться. И объяснять шутку. Ну например, совсем детский анекдот: «Блин, – сказал слон, наступив на колобка». Мама не понимает. Действительно, а что еще он должен был сказать? Если же анекдот имеет классическое начало: «Встретились на необитаемом острове русский, немец и американец...» – все, у мамы начинает закипать мозг. Она не может уследить за сюжетом. Про игры в слова не стоит и начинать. Анекдоты, предполагающие знание исторической подоплеки, точно нет. Но, зная за собой это качество, мама начинает смеяться заранее, чем, естественно, немедленно подкупает мужчин. У нее красивый залиvistый смех. Грудной, музыкальный. Она умеет смеяться заразительно и, надо признать, достаточно искренне. Так

что поклонник начинает немедленно считать себя как минимум стендапером. Как Пашечка, который мнит себя еще и поэтом, складывая рифмы на уровне «жопа – опа, циклопа – телескопа» или «сиськи – сосиски, альпинистки, анархистки, редиски...» Впрочем, мама с тем же восторгом и неизменным грудным смехом восхищалась шутками представителей старшего поколения. Так было с Иваном Петровичем, ее бывшим воздыхателем, предпочитавшим шутки на уровне ширинки. Повторять я это не буду в силу возраста. Мне такое не то что повторять, слышать еще не положено.

Маму считали не просто хохотушкой-дурочкой, а женщиной с прекрасным чувством юмора.

Когда родительница никак не отреагировала на мою татуировку, попросту ее не заметив, я подумала, что надо было сделать пирсинг. Проколоть нос, например. Или разрезать язык. Но, во-первых, я знаю, что такое селф-харм, во-вторых, не идиотка, чтобы считать себя девушкой-змеей. Это лечится. А вот идиотизм точно нет.

Было ли мне обидно? Конечно, да. Я ведь живой человек. Конечно, мне хотелось привлечь внимание собственной матери любимым доступным способом. В конце концов, я ведь подросток, так что имею полное право на самовыражение. Но я прекрасно понимала мамины интересы. Вот если бы я вдруг вставила себе импланты в грудь, желательно размера третьего, она бы точно заметила. Но на грудь денег у меня не было, а татуировки-переводилки стоили недорого.

Мама использовала меня в личных целях. Когда ей требовалось, она говорила, по-дурацки хихикая (господи, так даже пятиклассницы уже не смеются), что она – мать взрослой дочери. И наслаждалась восклицаниями: «Как?», «Не может быть!» Иногда демонстрировала меня в качестве доказательства.

– Совсем на вас не похожа! – восклицали посторонние люди, и маме опять это льстило. Впрочем, это было чистой правдой, если говорить о внешнем сходстве. Ничего общего, ни единой черты. Глядя на нас, можно было смело верить в истории о том, как детей путают в роддоме. Наверное, я уж слишком пошла в отца и его род. А отец, судя по всему, был высоким, поджарым, смуглым и темноволосым.

– У нее мои брови, – отвечала, по-прежнему хихикая, родительница, считая это лучшей шуткой из всех возможных.

Мама – классическая блондинка. Мелированная в стиле колхоз «Красный Октябрь». Нет, я не пытаюсь как-то ее унижить или посмеяться, я просто констатирую факт. Мама игнорирует моду, считая, что следует собственному стилю. В свои сорок шесть все еще косит под Мэрилин Монро. Крутит на плойке кудельки, рисует длинные стрелки, предпочитает мини-юбки, не замечая нависший в силу возраста жир над коленками.

– Мам, Монро умерла в тридцать шесть лет, – как-то заметила я.

– Что ты хочешь этим сказать? – возмутилась она, будто я

ей сообщила о смерти любимой бабули. Впрочем, у нас никогда не было любимой бабули, да и нелюбимой тоже. Никого, о чьей смерти стоило бы сожалеть.

– Я хочу сказать, что тебе уже сорок шесть, а не тридцать шесть, – ответила я.

– Почему ты всегда такая злая? Я не была такой в твоём возрасте! – немедленно возмутилась родительница.

Мне хотелось сказать: да, мам, ты была тупой блондинкой. Но я опять сдержалась. Я же должна уважать собственную мать, правильно? Хотя на самом деле мне вообще не хотелось с ней общаться. Она разговаривала со мной так, будто я находилась или под тяжёлыми наркотиками, или была бухая и потому непредсказуемая. И как ей объяснить, что мой наркотик – книги, а бухло – музыка? Что да, бывают подростки, которые не озабочены отношениями с противоположным полом, и не все оказываются беременны в шестнадцать, как рассказывают по телевизору. Более того, про противозачаточные средства, планирование беременности я в свои почти шестнадцать, кажется, знаю больше, чем моя сорокашестилетняя мать, которая регулярно трагическим голосом общалась, что должна будет пойти «на это». «Опять». И заливалась слезами, будто случилась страшная трагедия, причем впервые в её жизни. «Это» означало аборт. И я должна буду её встретить, помочь добраться домой, принести чай, грелку из морозилки на живот и всячески заботиться. «Это» у моей мамы происходило так часто, что я не знала, каким местом

она вообще думает о своем здоровье.

– Мам, а нельзя как-то по-другому? Есть же средства... – не выдержав, спросила я.

– Ты меня поймешь, когда полюбишь. По-настоящему, – ответила она, заломив руки в стиле Мэрилин Монро.

Судя по количеству аборт, мама каждый раз по-настоящему любила, как в первый. Удивительное свойство на самом деле.

Мамин персональный стиль, которым она так гордится, включает татуированные брови, доходящие до висков, и наращенные ресницы. Но она никогда не знает меры и переусердствует во всем – и в татуаже, и в наращивании. Брови хочется немедленно смыть. А ресницы... Это не ресницы, а реснички. Опахала. В природе таких не существует. Но мама себе нравится, так что я стараюсь воздерживаться от комментариев.

Я уважаю современные технологии во всех видах, но человеку, который придумал наращивание ресниц, желаю попасть в ад, в самое пекло. И чтобы черти все время наращивали ему ресницы, размера икс, или икс-эль, или как там они называются. Каждый адов день. И чтобы этот новатор непременно моргнул в тот момент, когда нельзя, или клей попал в глаз. И чтобы он ходил по коридорам ада, и все остальные шарахались – ресницы в виде паучьих лапок вызывают именно такую реакцию. Черти ведь не обязаны быть мастерами по наращиванию. Да, когда все искусственные ресницы от-

валятся, пусть этот изобретатель останется со своими, родными, половина из которых отвалится вместе с наращенными. Тогда он поймет, на что обрек меня. Мама без ресниц могла только рыдать. Она шарахалась от собственного отражения в зеркале. И я была обречена выносить мусор, ходить в магазин, в аптеку, пока она ждала записи на наращивание. Однажды встал выбор – купить мне новый рюкзак или сделать маме ресницы. Вы же понимаете, что перевесило чашу весов. Да перед ней и выбор не стоял! Ресницы против рюкзака. Даже смешно.

Почему я так подробно рассказываю о собственной матери? Для того чтобы вы поняли – тупая блондинка в возрасте имеет огромное влияние на психику. Причем коллективную. Она способна кого угодно довести до истерики. И именно она стала той самой обезьяной с гранатой в этой истории. Непонятно, чего от нее ждать. Моя мать в этом спец. Иначе почему я, ее дочь, сижу с тринадцати лет на антидепрессантах?

А это именно так, о чем моя мать не догадывается. За что, то есть за таблетки, огромное спасибо маме моей одноклассницы и лучшей подруги Ники. Нет, она не Вероника, как вы могли бы подумать. Она Николь. А ее младшую сестру зовут Мишель. Коля и Миша. Их мать во время беременности, по всей видимости, тоже была не в себе. А чего еще ожидать от психотерапевта? Точнее, сначала мама Ники была обычным врачом-терапевтом, работала в районной поли-

клинике, а потом переквалифицировалась в психотерапевта, теперь, кажется, занимается арт-терапией. Не важно. Важно, что она сохранила рецептурные бланки, все время спрашивает у нас с Никой, не хотим ли мы сменить пол, нужно ли обращаться к нам «они», или вдруг мы считаем себя небинарными личностями. А может, мы испытываем влечение друг к другу? Нет? Елена Ивановна, так зовут маму Ники, смотрит на нас как на подопытных кроликов – с нескрываемым, исключительно научным интересом и некоторой брезгливостью. Но я уважаю ее за практическую жилку. Ну представьте, у нее больше подписчиков в соцсетях, чем у всех наших одноклассников, вместе взятых. И куча клиентов, готовых платить за сеансы. А сеансы у Елены Ивановны отличаются разнообразием и удивительной, просто прекрасной тупизной формулировок: «Как сделать так, чтобы время шло быстрее», «Как вести себя с людьми, которые вас не любят».

Как-то я неосторожно заметила, что Елене Ивановне пора ввести новые «как» в свой репертуар – как сварить яйца вкрутую или удалить пятна с белых кроссовок. И даже не удивилась, когда на сайте Никиной родительницы появились новые рубрики. Надо отдать ей должное – с поправкой на психотерапию: «Как сварить яйца вкрутую и прокачать свое терпение», «Как удалить пятна с белых кроссовок, думая о хорошем». Ника, когда я искренне восхищаюсь ее матерью, закатывает глаза так, что мне становится страшно, – моя подруга мастерски овладела этим навыком, закатывая

глаза так, что становятся видны белки.

У Ники своя детская травма, о которой ее мать-психолог даже не догадывается. Едва моей подруге исполнится восемнадцать, она твердо намерена сменить имя, фамилию и отчество. Я ее понимаю и поддерживаю как могу, хотя, как мне кажется, ей все же стоит попросить у матери рецепт на антидепрессанты. Если я – иногда говорящая тумбочка, то она – Николь Майклововна Шпоркина. Ее отца зовут Миша, Михаил, но Елена Ивановна тоже что-то читала во время беременности, поэтому Миша превратился в Майкла. И Ника получила отчество Майклововна, а не Михайловна. Ладно, моя подруга еще Николь Майклововна, но ее сестра за что страдает? Мишель Майклововна Шпоркина. Михал-михална? Фамилия, кстати, тоже говорящая. Елена Ивановна, в девичестве Романовская, менять фамилию на мужнину категорически отказалась. А дети, да, пусть страдают. С отцовской фамилией ходят. Елена Ивановна рассказывала, что отец ее детей был удивительным, просто показательным скандалистом. Мог на пустом месте устроить истерику. Придирался ко всему – пыль на косяке входной двери. Не так заглажен воротничок рубашки. Не там стоят тапочки, не так сложены футболки, не та зубная паста, не тот вкус отварной картошки. Шпоркин мог жить только в состоянии скандала. Елена Ивановна говорила, что он был настоящим, классическим абьюзером. Если всем было хорошо, ему тут же становилось плохо, и он портил всем настроение придирадками.

В день рождения, в другие праздники непременно закатывал скандал, после которого праздновать уже не хотелось. А он, довольный, требовал, чтобы все веселились и улыбались. Елена Ивановна каждый месяц давала Шпоркину повод для новых скандалов, требуя алименты. Он высчитывал копейки, желал видеть скрины чеков, вел жаркую переписку, попрекая «нецелевым расходом средств». Елена Ивановна, выторговав лишние сто рублей, ходила изможденная, но счастливая.

– Это как перепродажа. Маму уже три раза обманывали мошенники, но она не сдаётся. Продала мою куртку за пятьсот рублей. Очень собой гордится. А то, что куртка стоила пять тысяч, ей не важно. Такой способ развлечения, – рассказала мне Ника.

– Ты не скучаешь по отцу? – спросила я.

– Кого это волнует? Он же по мне не скучает... – призналась Ника, которая, в отличие от младшей сестры, отца помнила, любила и нуждалась в нём. Но Елена Ивановна запретила встречи и каждый день напоминала, что девочки страдают из-за отца. Шпоркина. Будто ставила диагноз. А то, что сама вышла замуж за Шпоркина и родила двоих детей, так это не считается.

И вы ещё сомневаетесь в том, что люди идиоты? А тупая блондинка мало чем отличается от дипломированного врача? Ничем не отличается, откровенно говоря, если судить хотя бы по данным нам, их дочерям, именам. Каждый само-

выражается как может. Моя ресницы наращивает и подумывает о липосакции внутренней поверхности бедра, хотя я бы на ее месте отсосала жир в области жопы и живота. Но мою мать волнует именно внутренняя поверхность бедра. Кто-то из ухажеров остался недоволен именно той областью? Маньяк, не иначе... А Никина мать разрабатывает новые программы – объятия с деревьями, призывы к солнцу, карта желаний, модифицированная «поза трупа» из йоги, предполагающая полное расслабление. Елена Ивановна призывала лежать в шавасане не сорок минут, а минимум полтора часа, и именно тогда, по ее мнению, наступит полное расслабление, принятие, и один бог Шива знает, что еще может наступить. Она проводила эксперименты на нас, но мы с Никой засыпали на коврик, начинали кашлять и чихать после объятий с деревьями – у нас обеих обнаружилась аллергия на цветение. А над остальными практиками просто ржали, не давая возможности Елене Ивановне записать наши ответы для подкаста, который та активно развивала.

Мама Ники выписывает мне рецепты на антидепрессанты, нам с Никой – противозачаточные таблетки, считая, что мы ведем бурную половую жизнь, хотя мы обе девственницы и в ближайшее время лишаться девственности не планируем. Про презервативы, кажется, Елена Ивановна не слышала и беременности боится больше, чем ЗППП. Ника уверяет, что ее мать вообще не в курсе такой аббревиатуры и до сих пор считает, что дочь может заразиться лишь сифилисом и тогда

у нее отвалится нос. А так – лишь бы не было прыщей. Мама Ники очень боится прыщей. Ника говорит, что ее мать – бо́льшая идиотка, чем моя, но я готова с ней поспорить.

Моя мастерски владеет умением довести всех до истерики. И именно она виновата в этой истории. Я в этом убеждена. Помимо смеха без причины, считающегося таким милым, она способна округлять глаза – не хуже, чем Ника их закатывать, – и делать лицо в стиле «Шеф, все пропало». Или «На нас напали инопланетяне, и мы все умрем». Или «Ретроградный Меркурий наступает». Или «Многолуние! Спасайся, кто может!» Впрочем, за подобными заголовками лучше обратиться к Елене Ивановне. Она бы наверняка придумала что-нибудь пострашнее для нового подкаста или психотерапевтического курса.

Я тоже виновата, конечно. Но представьте подростка, который изнывает – не от скуки, нет, от людей. Я не хочу общаться с окружающей действительностью, мне тяжело взаимодействовать с посторонними людьми. Елена Ивановна считает, что я классический интроверт. Но это не так. Я могу, но не хочу. Мне попросту неинтересно. А тут подвернулась такая история... Поначалу я воспринимала ее как некую забавную возможность развлечь Нику, страдающую от вынужденного и весьма плотного общения с собственной матерью. Но потом все пошло по-другому...

Эта история, можно сказать, изменила мое отношение если не ко всему миру и человечеству, то к отдельным людям

уж точно. Что я поняла? Люди, самые неумные, злобные, с черной душой, способны совершить добрый поступок, благое дело. И никто, даже они сами, не могут объяснить, что именно толкнуло их на это – поступить правильно, порядочно. Почему вдруг слова ангела, деликатно присевшего на правое плечо, оказались действеннее слов дьявола, который давно вольготно развалился на левом. А еще я поверила в то, что самый нелогичный и неразумный человеческий поступок всегда имеет очень простое объяснение: любовь. Все совершается ради этого чувства. Мечь, ненависть, затаенная обида, сознательно причиненное горе всегда начинаются с любви, которую предали. Вот так все просто на самом деле. Эта история – лишнее тому подтверждение.

Обычно я сижу в наушниках, но не слушаю музыку. Просто так положено. Если подросток сидит в наушниках, значит, все «ок» или «норм». Хотя меня просто бесит, когда взрослые люди возраста моей или Никиной мамы пытаются освоить подростковый сленг. Когда Елена Ивановна пишет мне в Ватсап: «Ты как, норм?» – меня так и подмывает ответить ей в книжной стилистике: «Благодарю Вас, глубокоуважаемая Елена Ивановна, за беспокойство. Мое душевное здоровье оставляет желать лучшего, но прописанные Вами микстуры и притирки заметно облегчили мое состояние...» и так далее. И обращение «Вы» – непременно с заглавной буквы. Но я прекрасно понимаю, что Елена Ивановна шут-

ку не оценит, а назначит мне конскую дозу антидепрессантов или решит, что я нахожусь на грани самоубийства. Измучает вопросами ради нового подкаста. Так что мне проще ответить «ок», на что Елена Ивановна отправит смайлик, прекрасно зная, что я их ненавижу. Почему все считают, что шутку можно обозначить скобкой, а расстройство – обратной скобкой? Слов не хватает?

Ну мы-то с Никой как-то обходимся без эмодзи. Взрослые же справлялись с выражением эмоций до появления рыдающих смайликов, эмодзи «рука-лицо» и прочих сердечек и цветочков? Письма на бумаге, в конце концов, писали, оперировали какой-никакой лексикой. А сейчас достаточно поставить эмодзи. По мне, так проще и лучше написать. Я рассказываю это для того, чтобы вы поняли, насколько у вас, взрослых, превратное представление о подростках. Да, пятиклашки обожают эмодзи, но к пятнадцати годам это проходит. Почти у всех. Не говоря о том, что бывают исключения, как, например, Ника и я, – мы обычные дети, а не вселенское зло. С нами не нужно разговаривать как с пациентами ПНД или полными дебилами. Мы с Никой сто раз говорили это Елене Ивановне, она кивала и немедленно записывала подкаст на тему: «Как разговаривать с трудным подростком?» Согласно ее профессиональному мнению – так, как разговаривают с людьми в острой стадии психоза. И даже если ребенок кажется нормальным и ласковым – это плохой знак. За этим обязательно последуют срыв с бросанием предметов в

стену, участие в оргиях, побег из семьи и все самые страшные сюжеты, которые в состоянии придумать мать. А у Елены Ивановны очень богатое воображение.

Ну что остается делать нам с Никой? Я прошу еще один рецепт на таблетки и делаю вид, что пью энергетик. Хотя, если честно, предпочитаю кофе с большим количеством молока. Раф, например. Но Елене Ивановне спокойнее, когда я держу банку с энергетиком и она рассказывает мне про его вред. Ника же иногда закатывает показательные истерики лишь для того, чтобы ее мать не начала подозревать у нее суицидальные мысли и больные фантазии. Истерить, плакать, орать на весь дом – норма, обычный спокойный подросток – не норма. Елена Ивановна уже все уши нам прожужжала про необходимый выплеск эмоций – мы ведь, как подростки с эндокринным дисбалансом, эмоционально лабильны. И про то, что это абсолютно, ну абсолютно нормально, и она как мать и врач спокойно и с огромным пониманием на это отреагирует. Меня так и подмывает спросить, а как можно реагировать не с огромным, а просто с пониманием? В чем будет разница?

Кстати, Елена Ивановна чересчур активно приветствовала нашу дружбу с Никой. Чуть ли не в ладоши хлопала, когда Ника просила разрешения пригласить меня в гости. Поначалу это было очень приятно, не скрою. А кому не приятна забота, безусловное принятие и приятие? Но потом Ника догадалась и честно объяснила мне – ее маме «нужен матери-

ал». Ника как дочь уже не очень подходила – Елена Ивановна говорила, что не может оперировать в работе лишь одним случаем, из которого, кстати, уже все соки выжала. И к родной дочери она не может «подходить с холодной головой», трезво оценивая ее поведение. Я в этом смысле казалась ей более перспективным рабочим примером. Я же говорю, все всегда имеет самое простое и очевидное объяснение. В случае с Еленой Ивановной – работа психологом, подкасты, новая подопытная крыса, только и всего.

– Забей, – просила Ника. – Не обижайся на нее. Пока она в своих подкастах, от меня отстает. Я хоть могу выдохнуть. Хотя знаешь... иногда хочется сбить ее матрицу и разорвать шаблон. Сделать что-нибудь такое, чтобы она меня увидела, услышала, забеспокоилась как мать о ребенке, а не как автор о персонаже. Она меня на подкасты уже разобрала, с самого младенчества, и сейчас страдает, что я не подбрасываю ей, как дрова в топку, новый материал – веду себя скучно и прилично.

Да, это как иногда нестерпимо хочется высунуть язык, прямо под сверло, сидя в стоматологическом кресле. В последний раз я еле удержалась, чтобы этого не сделать. Елена Ивановна, конечно же, сочла бы это проявлением селфхарма – ну как сознательно наносить себе порезы. Это другое. Когда уже нет сил терпеть. И хочется, чтобы эта мутная боль, хотя и боли никакой нет после укола, наконец закончилась. Высунуть язык, дернуть головой, схватить за руку врача –

не имеет значения. Лишь бы вынырнуть из состояния бессилия, полной зависимости, прикованности к креслу. Кресло можно заменить комнатой, квартирой, школой, городом – суть одна. Хочется все это закончить в один момент, прямо сейчас. Пусть и ценой увечья.

– Да, мне иногда тоже хочется движухи, – хмыкнула Ника, когда я поделилась мыслями о зубном враче.

Ну можно и так это определить – движуха.

Так вот, о подростках. Если я сижу без наушников, а, например, с книгой, да еще и толстой, окружающие считают, что я если не больная, то не в себе точно. Совсем не ок. Почему? Потому что большинство современных подростков сидят в наушниках. А еще одеваются в худи или в толстовки с капюшоном, непременно натянутым на голову или на бейсболку так, чтобы даже глаз не было видно. Так что мне проще нацепить наушники, на голову – капюшон, и тогда к тебе вообще никто не подойдет. Наушники у меня так себе, не шумодавилки, я все слышу. И вижу, кстати, тоже если не почти все, то многое. Я – предмет интерьера, меня никто не замечает, считая, что перед ними сидит не одна обезьяна, а сразу три в одном лице – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Поговорить о том, что случилось, мне было не с кем. Оставался только эпистолярный жанр. Ника уехала на дачу к бабушке, где Елена Ивановна, оперируя ее лексикой, «прорабатывала» собственные травмы детства. Нику отправляли на огород – собирать картошку, ма-

лину, смородину. Бабушка считала, что внучка любит малину и смородину, а она их терпеть не могла. Ника присматривала за младшей сестрой, которая находилась в том счастливом возрасте, когда радуется старому ржавому велосипеду, помятая гусеница или забредший на участок ежик. В той деревне связь была так себе, что неизменно беспокоило Елену Ивановну и младшую сестру Ники Мишу, которой еще больше не повезло с именем, чем старшей сестре. Впрочем, Ника упорно называла сестру Машей, чему та была только рада. И именно так всем и представлялась при знакомстве. Елена Ивановна записала несколько подкастов на тему неприятия ребенком собственного имени. Один из них набрал больше двухсот просмотров, чем Елена Ивановна очень гордилась. Так вот, она считала, что плохо работающий вайфай, вне всякого сомнения, пойдет на пользу ее старшей дочери. И избавит ту от зависимости. Какой? Разве вы не знали? Все подростки, как считается, зависимы от социальных сетей, чатов, и у них начинается ломка, как у наркоманов, если они не получают доступ к интернету. Ника пыталась объяснить маме, что ломка у нее может начаться, лишь если ее лишат блокнота и карандашей. Тогда она не сможет рисовать свои любимые аниме. Ника предпочитала кодомо-стиль. Ее рисунки – наивные, добрые – очень нравились Мише-Маше. Впрочем, моя подруга практиковалась и в стиле чиби, где взрослые люди выглядят как дети, что, с моей точки зрения, абсолютное отражение действительности. На разных платфор-

мах Ника искала мастер-классы, новые стили рисования, а уж никак не переписывалась с маньяками, выдающими себя за маленьких девочек, чем пугала нас Елена Ивановна. Послушать ее, так за каждой новой подружкой непременно скрывался извращенец.

С другой стороны, Елена Ивановна сама страдала от плохого вайфая, поскольку не могла выкладывать подкасты и отвечать на вопросы благодарных поклонников. Вот у кого имелась зависимость, так у нее точно. По рассказам Ники, ее мама готова была на крышу залезть, чтобы подключиться к Сети, или ехать на велосипеде в ближайший городок, где вайфай хоть и не летал, но хотя бы стабильно имелся. Миша-Маша если и страдала от отсутствия интернета – она любила смотреть на планшете мультфильмы, – то не так чтобы сильно. Живые бабочки, червяки, жуки и две курицы – Зойка и Надька – вполне конкурировали с фиксиками и смешариками. Бабушка Ники и Миши-Маши ни во что не вмешивалась. Она не считала, что сеть 5G влияет на мозг и зомбирует людей. Хотите, ставьте... этот ваш... роутер-роутер. Но выгоды лично для себя не видела, так что занимала нейтральную позицию. Елена Ивановна же никак не могла соотнести плюсы и минусы установки роутера, поэтому много лет все оставалось без изменений. Ника заранее закачивала для сестры мультфильмы, себе – мастер-классы, предоставляя матери возможность сидеть на крыше или ехать в ближайший городок.

То есть вы понимаете, что я не могла в любой момент позвонить подруге и рассказать ей о произошедшем. Чему, не скрою, была даже рада. Мне хотелось насладиться ситуацией, придумать, как потом преподнести историю. Нике, как мы и договаривались, я писала длинные сообщения. Она не всегда получала их сразу, что давало мне время сформулировать мысли. Если события развивались слишком быстро, я удаляла уже посланное, но еще не прочитанное сообщение, чтобы написать новое, со свежими подробностями. Мне нравилось представлять, как все бы происходило в прошлые времена... Девушка написала подруге по пансиону, что ее возлюбленный подобрал брошенный платок, а уже в следующем письме она оказывалась обманутой, опозоренной, брошенной и непременно беременной. Или она сообщала, что ее отсылают к дальним родственникам, где у нее не будет возможности отправить письмо, и заливала бумажный лист горькими слезами прощания – и с любимой подругой, и с собственной молодой жизнью, которая непременно угаснет в глуши. Ведь ничего, кроме смерти от невыносимой тоски и одиночества, ждать не приходится. А уже в следующем послании девушка объявляла, что встретила свое счастье, и прилагала приглашение на свадьбу, которая, судя по дате, состоялась месяц назад. Письма тогда редко поспевали за событиями. Что, если рассудить, не так уж и плохо. Скончалась любимая тетушка? Пока шло письмо, тетушку успевали похоронить, поделить наследство и благополучно о ней забыть.

Удар имел, так сказать, отсроченное действие. Не так, как если узнать о смерти сразу же, когда горе вдруг обрушивается на голову, рыдания душат несколько дней и сон никак не приходит. А так оставалось лишь утереть жалкую слезинку, и все – жить дальше. Письма приходилось ждать неделями, месяцами. И за время ожидания придумать развитие сюжета истории, испугаться, порадоваться, восхититься, испытать ужас... да все возможные эмоции. Ожидание – чистая литература, простор для воображения, мечта для любой творческой личности. Сюжетом ведь движут не события, а именно их отсутствие. Когда можно придумать любой финал. Мне всегда нравились открытые финалы – без хеппи-энда, без очевидных развязок. Я еще не знала, каким будет финал этой истории. Когда ты проживаешь историю на страницах книги – одно, когда становишься ее частью – совсем другое. В реальности очень хочется хеппи-энда. До отчаяния. И нет ничего хуже открытого финала, когда не знаешь, чем все закончилось.

С той самой истории я начала по-другому читать книги, особенно их окончание. И вдруг поняла, что открытых финалов не существует в принципе. Авторы не оставляют историю без развязки. Другое дело, что «люди читают жопой». Так говорит наша учительница литературы, за что я ее уважаю. Вера Владимировна искренне страдает от сочинений по «Капитанской дочке», «Тарасу Бульбе». А когда задает выучить наизусть сцену у дуба Толстого, у нее сводит скулы.

Она эту сцену больше слышать не может. Но на уроках, посвященных дополнительному чтению, зарубежной литературе, наша Вера Владимировна прямо расцветает. Она может бесконечно пересказывать «Сагу о Форсайтах», она смотрела все современные экранизации «Ромео и Джульетты», «Анны Карениной». И именно на этих уроках, требуя от нас анализа, выводов, пересказа чувств, твердит, что «мы читаем жопой», а на самом деле... Вера Владимировна ходит по классу, активно жестикулирует, иногда может сбить цветок, стоящий на подоконнике, или снести чей-то учебник с парты, но это никому не мешает. Все слушают, стараясь не пикнуть. И да, она права. Люди не только читают жопой, но и слушают так же. У подростков зрение и слух обострены. И именно поэтому мы видим и слышим больше взрослых.

Эта история началась с того, что мама решила поехать в пансионат, настояв, чтобы я отправилась с ней, хотя до этого прекрасно обходилась без моего сопровождения. Кажется, в этот раз, как, впрочем, и в прошлые, с ней должен был отправиться очередной любовник, выбравший и оплативший отель на берегу залива. Но в последний момент решил остаться в лоне семьи. Мама терпеть не могла, когда пропадают деньги, тем более упавшие на голову, и настояла на моем обществе. Как всегда, преподнесла это как материнский героизм и заботу о здоровье единственной дочери, то есть моем. Если бы я ей сообщила, что в курсе ее отношений

и достаточно взрослая, чтобы понимать, какого они толка, она бы точно удивилась и принялась доказывать обратное. Хотя, наверное, пусковой механизм сработал еще раньше. Когда любовник сообщил моей матери, что едет в отпуск с семьей и их встреча была ошибкой, но в качестве прощального подарка не станет отменять бронь в отеле. Мол, она может поехать, если ей так хочется. Так что родительница еще до поездки была на взводе и жаждала неприятностей, учитывая, что купила новый купальник, пляжную сумку и два сарафана, под которые худела целый месяц. Если бы любовник ее просто бросил – еще ладно, но страдания от невыносимой диеты она ему простить не могла. Решила поехать, чтобы потом сообщить ему, что он выбрал самый ужасный отель из всех возможных и она страдала там всю неделю пребывания. Хотя с самого начала знала, что он жмот и подлец. Мама не могла смириться с мыслью, что бросили ее, а не она, и уже придумала для себя историю, как поездка в этот ужасный отель стала последней каплей в их отношениях и именно она бросила любовника. Впрочем, она не любила смотреть правде в глаза и лишний раз старалась этого не делать, что ей прекрасно удавалось. Иногда я просто восхищаюсь ее способностью не видеть и не принимать очевидного. Как, например, тот факт, что любовник не собирался бросать ради нее семью, а роман длился дольше банального адюльтера лишь потому, что она обещала раскрыть его супруге всю правду. То есть попросту шантажировала.

– Чайки? Серьезно? Риали? – воскликнула мама, зайдя на территорию отеля и увидев залив. Я тащила тяжеленный чемодан, больше чем наполовину заполненный ее, а не моими вещами. Мои прекрасно умещались в рюкзаке, который я тоже тащила. Если бы я умела закатывать глаза как Ника, так бы и сделала в тот момент. Нет ничего хуже для подростка, чем слышать, как его родитель выражается подростковым сленгом. И считает, что благодаря этому выглядит моложе своих лет. Мамино «риали» вывело меня из себя. Вот как раз тот случай, когда младшие школьники вопят, не понимая смысл выражения: «Вышел ежик из тумана – кончилась марихуана».

Моя мама очень переживала по поводу возраста. Подолгу разглядывала себя в зеркало, подтягивая руками щеки, стягивая глаза к ушам. У нее очень плохой косметолог, на мой взгляд. Иначе зачем она закачивает клиентке такое количество ботокса, что лицо превращалось в блин? Зачем пытается натянуть глаза на жопу? Однажды мама вернулась от нее с лицом Мефистофеля – косметолог промазала мимо нужной мышцы, и вид у моей родительницы стал совсем не милый. Мама Ники пустилась в другую крайность. Она всячески приветствовала и пропагандировала бодипозитив, быстро ставила диагноз «эйджизм» и отказалась от окрашивания волос. Поскольку седела Елена Ивановна неравномерно, выглядела она, мягко говоря, не очень. Как дворняга с проплешинами. И даже ведение стримов и соцсетей не заставляло

ее привести в порядок голову, хотя Ника иногда деликатно на это намекала. Елена Ивановна верила, что, если встать, опустить плечи и вытянуть шею, это подтянет брыли. А если массировать мышцу от груди до ключицы, овал лица станет молодым. А если регулярно складывать губы в куриную жопку, то магическим образом исчезнут морщины над верхней губой. Никина мама пыталась освоить массаж лица и гимнастику, предполагающую мимические упражнения, но ее это не увлекло. Поэтому она остановилась на массаже грудной мышцы. При этом обе наши родительницы не могли додумать, что естественное старение, как и уколы ботокса во все места, не гарантирует счастливую семейную жизнь. Муж Елены Ивановны и отец Ники и Миши-Маши ушел из семьи, когда Мише-Маше исполнился год. Ника с ним иногда общается втайне от матери, конечно же. Нет, она не боится, что та начнет плакать, обзовет предательницей. Она переживает, что мама использует это для очередного своего подкаста. И заставит дочь рассказывать, что она чувствует, встречаясь с отцом, который их бросил. Моя подруга, как я говорила, отца любит и зла на него не держит. Она сама с трудом выносит собственную мать, так чего ждать от отца? Миша-Маша отца не помнит. Елена Ивановна запретила мужу появляться в их доме, но Ника хочет их познакомить, просто ждет, когда сестра немного подрастет.

Мама смотрела на чайки, которые кружили над заливом.

На уток, еще сонных, нехотя подплывающих в надежде получить корм. Вид и в самом деле был прекрасный, я замерла. Если бы не мама, раздраженно заметившая: «Терпеть не могу птиц. Они будут галдеть. Я точно не выплуюсь. Какие же они мерзкие и тупые», – я бы так и стояла, глядя на птиц. Мне вдруг отчаянно захотелось покурить. Мы с Никой курили с четырнадцати лет. Не часто, точнее очень редко. И не получали от этого никакого удовольствия. Больше кашля и нервов. Елена Ивановна сама подкладывала нам сигареты и ставила в комнате пепельницу. Но мы все же были подростками, а подросткам требуется скрываться. Так что мы курили в форточку, тщательно проветривали и жевали жвачку. Смысла в этом не было никакого. Но Ника считала, что есть – так ее мать лишается еще одной зацепки поставить диагноз собственной дочери и ее лучшей подруге. Прыщей у нас не было. Мальчиками мы становиться не хотели. Да еще и не курили. Чем не повод для волнения матери-психотерапевта?

– Зачем ты так с ней? – спрашивала я.

– Затем, что она уже придумала новый подкаст. Ну знаешь, из серии «Как преодолеть материнский страх?», «Что делать, если твой ребенок курит?», «Как поговорить с ребенком о зависимости?» и так далее. Она уже целый цикл на эту тему запланировала. А я не даю ей возможность вставить подробности, вот она и бесится, – отвечала Ника.

– Ну так давай дадим ей повод, – предлагала я.

– Нет, она увлечется и будет искать доказательства, что

мы лесбиянки, – поморщилась Ника. – Она никак не может признать, что ее дочь – нормальная, без проблем, которыми она может похвастаться. Тем, как она с ними справилась. Ты не представляешь, какое шоу она устроила, когда Машка описалась ночью. У нее три подкаста были посвящены энурезу. А Машка просто объелась арбуза на ночь.

В то утро мама стояла и с ненавистью смотрела на залив, плавающих уток, летающих чаек и двух лебедей. А я смотрела на нее, борясь с желанием хотя бы понюхать табачный дым, и думала, почему я выбрала себе именно такую мать. Ведь говорят, что дети сами выбирают, у каких родителей родиться. Или, наоборот, родителей не выбирают? Люди как-то не могут определиться. У них обе версии сходятся. Зависит от случая.

Перед поездкой моя родительница пошла к косметологу и вернулась с вывернутой наружу верхней губой. Даже я от нее такого не ожидала и старалась лишний раз не смотреть. Она же, кажется, была довольна. Губу, превращенную даже не в вареник, а в удава, который проглотил козу, застрявшую где-то посередине, она разглядывала с нескрываемым восторгом. Жуть, одним словом. Мама явно готовилась к поездке, собираясь продемонстрировать получившуюся красоту любовнику. Но любовник отвалился, а губа осталась воспоминанием о зря потраченных деньгах. Мне хотелось спросить – это она сама решила или ее любовнику так нравится мусолить пельмени? Ника сказала, что это называется «сви-

сток». Прибавьте к таким губам взгляд Мефистофеля, отсутствие всех мимических морщин, и вы поймете, как выглядела в тот момент моя мама. Да, лучше не представлять. «Капец», как говорила Елена Ивановна, считая себя молодой и дерзкой. «Жуть с ружьем», как замечала Никина бабушка. Мы с Никой предпочитали выражаться старой доброй ненормативной лексикой, все еще принятой в кругах подростков.

– Почему они все сюда плывут? – спросила уже раздраженно мама у водителя, который отвечал за наш трансфер. По идее, он должен был тащить наши вещи, а не я.

– Так их здесь кормят. Дети. Булки таскают с завтрака, – ответил водитель.

– Разве уткам можно есть хлеб? – удивилась мама. – Им же вроде бы можно только салатные листья и фрукты.

– Эти не жалуются, – пожал плечами водитель – парень, представившийся Славиком, из тех, про которых говорят «простота хуже воровства». – Сигаретки нет? – тихо спросил он у меня.

Тут даже я опешила. Еще никто никогда не стрелял у меня сигаретку. Тем более учитывая, что я была с матерью и, так сказать, клиентом. Хорошо, полуклиентом, но все же.

И уже тем более я не могу себе объяснить, что на меня нашло, когда я ответила:

– Нет, но найдете – берите две. Сама еле терплю.

– Понял, – воскликнул добродушно Славик.

Через пару минут он вернулся с двумя сигаретами.

– Шоколадная. Мать не почувствует, – доложил он и подмигнул. Вроде уже взрослый – под тридцатник, – а ведет себя как подросток.

Сигарета оказалась настолько вкусной, что я чуть дымом не поперхнулась. Действительно, шоколадная. Табак почти не чувствовался. Мы курили, прячась за открытой дверью багажника микроавтобуса. Моя мать все еще наблюдала за птицами. Есть такой вид развлечения – бёрдвотчинг. Но мама, объявив, что ненавидит птиц, просто зависла, наблюдая за медлительными в реакциях лебедями, – тем доставались куски хлеба, лишь случайно оказавшиеся прямо перед их клювами. Не сравнить со сноровистыми чайками, успевавшими на лету цапнуть хлебный мякиш, и наглыми, но бестолковыми и суетливыми утками, которые толпой кидались к одному куску. У каждого своя роль в природе.

Сама же история началась в девять утра с истощного крика. Орала Галя – новенькая горничная, нанятая специально на сезон. Галя была доброй, но удивительно бестолковой в работе и забывчивой. Она совершенно не умела экономить гели для душа и шампуни, меняя даже те флакончики, в которых оставалась добрая половина. Щедро выставляла в каждый номер по два дополнительных рулона туалетной бумаги, хотя по правилам полагался один. Каждый день меняла полотенца. Сразу все, несмотря на висевшую табличку про бережное отношение к природе и призыв к гостям оставить

полотенца, требующие замены, на полу, а не требующие – на вешалке. Галя табличку не читала и меняла сразу все, как и постельное белье, вне графика. При этом она из рук вон плохо справлялась с уборкой. Светлана Петровна – старшая горничная – устала бороться и с Галей, и с ее бестолковостью. Вот опять жалоба из седьмого номера – в углу паутина и здоровенный паук. Ребенок увидел и испугался. Светлана Петровна пришла в номер и лично убедилась – Галя опять не смела паутину. Не только в этом углу, но и в других тоже. Старшая горничная ходила в двух очках, которые часто путала. Одни она носила, чтобы видеть вдаль, другие, похожие на очки для чтения, – чтобы видеть вблизи. Обе пары очков висели у нее на груди на длинных цепочках. Но иногда Светлана Петровна забывала их поменять, поэтому не всегда видела вдаль, если на носу были очки для чтения, и не всегда замечала то, что перед носом.

– Там же Жорик! – восклицала Галя, призванная к ответу за плохую уборку номера и оставленную паутину. Ладно бы паутина, Галя опять забыла протереть сетку на окнах, в которой застряли мошки. Хорошо еще занавеска была задвинута, а то бы гости в обморок упали от количества мошкары.

– Жорик? – удивилась Светлана Петровна.

– Паук! Их нельзя убивать! Они приносят хорошие новости. А еще к деньгам! – воскликнула Галя.

– Вроде бы Жориками тараканов называют, а не пауков? Так деньги или хорошие новости? – попыталась пошутить

Светлана Петровна.

– Пауков убивать не буду! – объявила решительно Галя. – Вы меня не заставьте!

Светлана Петровна тяжело вздохнула и одним взмахом веника уничтожила труды Жорика и самого Жорика.

– А почему сетку не помыла? – строго спросила старшая горничная.

– Ой, а я не знала, что надо занавеску отодвигать, – искренне удивилась Галя.

Это качество младшей горничной не переставало потрясать Светлану Петровну. Галя настолько твердо игнорировала требования к уборке номеров – отодвинуть занавеску, протереть подоконники, вымыть не только батареи, но и под ними, – что оставалось только разводить руками.

– Галя, или ты возьмешься за голову и будешь исполнять свои обязанности, или я тебя уволю. До первой жалобы, – рывкнула Светлана Петровна.

– Да, я возьмусь, простите, обещаю. – Галя немедленно залилась слезами – еще одно качество, которое вводило Светлану Петровну в ступор. Ну как можно так быстро, неожиданно начинать плакать? Причем настолько горько, будто кто-то умер. Предупреждение об увольнении было уже сто пятидесятым как минимум, и Галя каждый раз клялась, что больше так не будет. Как в детском саду, ей-богу. При этом она верила, что следующий раз точно окажется последним и Светлана Петровна ее уволит. Хотя уже можно было дога-

даться, что та лишь грозится, но ничего не делает, жалеет ее. Да и где в сезон найти толковую горничную? Давно всех другие отели наняли, остались только такие, как Галя. Светлана Петровна качала головой и тяжело вздыхала. Вот и что с ней прикажешь делать? Кто ее на работу возьмет? Никто. А девушка-то хорошая. Только с тараканами в голове. То есть, тьфу, с пауками.

В девять утра Галя заорала в первый раз. Но быстро прекратила. Да и крик был похож скорее на удивленное восклицание. Так что те соседи, которые его слышали, решили, что в номере происходит личная жизнь, причем бурная и счастливая, не то что у них. Даже, возможно, позавидовали. Но во второй раз Галя закричала намного громче и пронзительнее. И продолжала вопить минут пять, не меньше. Светлана Петровна, прикорнувшая в подсобке, естественно, слышала первый Галин крик. Она не обладала стопроцентным зрением, но слух у нее был что надо. А уж звуки гостиницы – бытовые, обычные и странные, не предвещавшие ничего хорошего, – могла отличить даже в полудреме.

Первый Галин вскрик был похож на тот, каким та сопровождала обнаруженную новую паутину с пауком, разбитый бокал или чашку, потекший холодильник или сломанный сейф. Светлана Петровна решила, что ни за что не встанет. Голова болела нещадно. Старшая горничная дотянулась до сумки, вытащила таблетницу и рассосала лекарство от давления. Она мечтала подремать хотя бы еще полчаса, по-

нимая, что уснуть уже не получится. Но все же расслабила мышцы лица, чуть приоткрыла рот и приняла позу медузы – чтобы руки и ноги не соприкасались с телом. На одном из форумов, посвященных бессоннице и тому, как с ней бороться, рекомендовали именно такой способ быстрого засыпания. Да и стоматолог в очередной раз выговорил ей, что зубы с каждым разом все сложнее восстанавливать. Мол, что она, во сне ими скрежещет? Как можно так стесать эмаль? Ну как морская свинка, ей-богу. Светлана Петровна понятия не имела, что морские свинки скрежещут зубами, и обиделась. В следующий раз решила обратиться к другому врачу, который не стал бы ее сравнивать с домашними питомцами. Может, она и скрежещет, а как иначе? Если каждый день то одно, то другое. Никаких нервов не хватает. Вот и сейчас...

Едва Светлана Петровна устроилась в позе медузы, как Галя завопила снова. И этот крик был явно другим по тональности и длительности, не предвещавшим ничего хорошего. Старшая горничная снова потянулась к таблетнице и выпила на всякий случай еще лекарства – от головной боли и от нервов. После этого встала, поправила прическу, накрасила губы, подвела карандашом глаза и вышла из подсобки. Все это время Галя вопила.

После Гали в злополучном номере появилась Светлана Петровна.

– Прекрати орать, – строго велела она. Галя тут же замолкла, но, мыча и подвывая, показывала пальцем на ковер.

Светлана Петровна даже в стрессовых ситуациях не изменяла себе. И поэтому раскрыла простую ученическую тетрадь на двенадцать листов, с которой не расставалась никогда и ни при каких обстоятельствах. В нее она заносила график выезда и приезда гостей, смены белья, дежурства горничных. В нее же записывала жалобы гостей, собственные замечания. На ежедневных планерках раскрывала тетрадь и объявляла с точностью до минуты, кто из персонала что не сделал или сделал не так. В компьютере могли слететь данные, он мог зависнуть, а тетрадь всегда была под рукой. Помимо двух пар очков, Светлана Петровна имела при себе ручку и карандаш. Ручка – в правом кармане, карандаш – в левом. Ручкой она отмечала уже решенные вопросы, карандашом – те, в которых требовалось разобраться. Если на горничную поступила жалоба, Светлана Петровна торжественно объявляла, что «взяла на карандаш», то есть поставила пометку в тетради. Три пометки – выговор, пять – строгий, шестая – увольнение. Если горничная «бралась за ум», как называла это Светлана Петровна, карандашные пометки стирались. Галя балансировала между строгим выговором и увольнением. От последнего ее отделяла лишь одна пометка. И этот крик мог стать той самой последней пометкой. Светлана Петровна никогда и ни для кого не делала исключений. Она показывала тетрадь с галочками, плюсиками, стертыми, появившимися вновь – с датами и точным временем. Спорить бесполезно. Однако с Галей она проявляла сла-

бость, стирая карандашные галочки и жирно выделяя ручкой то или иное ее достижение. Галя была особенной – такой несчастной, зависимой, чересчур открытой в эмоциях и их проявлении, что у Светланы Петровны рука не поднималась поставить галочку, означавшую увольнение.

Согласно записям в тетрадке, уборка в этом номере сегодня не предполагала смену белья. Старшая горничная держала тетрадь на вытянутой руке, чтобы лучше видеть, хотя и без записей все помнила. Двадцать второй номер не освобождался пополудни и не заселялся после четырнадцати ноль-ноль. То есть убирать в нем стоило лишь после того, как все остальные номера были бы убраны. Но, если вдруг на двери появлялся дорхенгер с просьбой об уборке, следовало действовать наоборот – убрать в этом номере в первую очередь и переходить к другим. Светлана Петровна, заходя в номер, отметила – хенгер на ручке не висел. Или его не повесили гости, или сняла горничная. Опять же, согласно записям в тетради, как раз соседний номер, двадцать первый, требовалось убрать к приезду новых гостей, то есть к четырнадцати тридцати. Предыдущие постояльцы уехали в восемь утра.

– Дорхенгер висел на двери? – строго спросила Светлана Петровна, заранее зная ответ. Галя опять перепутала номера. В данный момент она должна была находиться в двадцать первом номере, а не в двадцать втором. Гости, точнее гостья, выезжать не собиралась, и беспокоить ее в девять утра кате-

горически запрещалось. Как и других постояльцев. Светлана Петровна устала вдалбливать в голову Гали правило: если приезжают с детьми, убрать надо утром, до часу дня, то есть до детского сна. Но дожждаться, пока гости уйдут на пляж. Если молодая пара – раньше одиннадцати в номер стучаться не следует. Пусть поспят. Если супружеская пара со стажем и дочерью или сыном-подростком, нужно дожждаться, когда номер покинут родители. Подростки даже от работающего под ухом пылесоса не проснутся.

Галя от вопроса про дорхенгер впала в ступор и смотрела на начальницу, будто та вдруг заговорила на птичьем языке.

– Ну конечно, вот он, на ручке шкафа. – Светлана Петровна подошла, сняла табличку с надписью «Просьба убрать номер». – Галя, ну сколько раз повторять... обращай внимание на дорхенгер.

Галя хлопала глазами и беззвучно открывала и закрывала рот. Видимо, странное, незнакомое слово вызвало в ее мозгу короткое замыкание, и умственная программа зависла надолго.

Старшая горничная, откровенно говоря, раньше всегда называла дорхенгер просто табличкой на двери. Но в последнее время она смотрела по телевизору кулинарные шоу, в которых распекают нерадивых поваров и рестораторов за то, что те не знают профессиональной терминологии, и решила шагать в ногу со временем. Как профессионал. И каждый вечер учила наизусть выписанные из интернета термины, при-

нятые в гостиничном бизнесе. Память с годами стала уже не та, но Светлана Петровна была упрямой женщиной. При малейшей возможности старалась вставить в речь выученные слова, чтобы закрепить теоретические знания. Пока ей особенно удавались чек-ин и чек-аут. Стандартный двухместный номер с односпальными кроватями она гордо именовала «твин». Еще ей очень нравилось, как называется дополнительная кровать – «экстрабед». Остальные сотрудники никак не желали использовать профессиональный сленг, и старшая горничная решила включать в речь по одному термину в месяц, давая возможность штаффу привыкнуть. «Штафф» – Светлана Петровна называла сотрудников именно так. Про себя, конечно, не вслух. Один раз попробовала, обращаясь к Славику, на которого пожаловалась одна из гостей. Тот без всякой задней мысли попросил дамочку сбежать оплатить парковку, пока он будет выруливать со стоянки аэропорта. Женщина, заранее заказавшая и оплатившая трансфер, растерявшись от подобной наглости, сначала покорно сбежала и оплатила, а потом, придя в сознание, написала жалобу.

– Слава, если хотите попасть в штафф нашего отеля, вы должны соблюдать правила, – отчитывала водителя старшая горничная. Слава, как и Галя, был нанят совсем недавно, с испытательным сроком.

– Чё? Почему я штафф? – искренне не понял Славик.

– Штаффом на профессиональном языке называют персонал, то есть сотрудников отеля, ресторана, не важно, – тер-

пеливо начала объяснять Светлана Петровна. – Вы же молодой человек. Должны как-то соответствовать времени... да же я стараюсь, учусь...

– Не, я ж просто не знал. Стаффы – это ж собаки. Стаффордширские терьеры. Красивые зверюги. Я ж собачник. Мечтаю завести стаффа. Вот накоплю денег... – объяснил Славик. – У меня сейчас ирландский волкодав. Добрый, зараза, как болонка. Только с виду страшный, здоровенный, как лошадь, жрет как конь, а сам – как ребенок. Ему бы только играть и нежничать. Наташка его боится. Он же дурында, подбегает и начинает обниматься. Поставит лапы на грудь и давай целовать, то есть облизывать. Один раз Наташку завалил. Та перепугалась.

– Наташку? Надеюсь, не нашего администратора? – строго уточнила Светлана Петровна.

– Ой... Я это... понимаю, что на работе нельзя... Харасменты всякие... Но вы не подумайте, у нас все серьезно. По взаимному согласию. Мы на работе не тискаемся. Ну почему нельзя-то? Где еще знакомиться? Она ж такая... Я как увидел, так и все. Вот только одна проблема – с Мурчиком у нее не заладилось. Он к ней ластится, а она шарахается. Если вы про гладилку, так это все из-за Мурчика. Наташка не может у меня. Мурчика боится. А он привык со мной спать, вот и заваливается. Я его выгонял, он скулит. Я ж не могу такое слышать. Ну и сами понимаете – какая личная жизнь? Эта орет, тот под дверью скулит. Вот и пришлось нам здесь... Вы

это, Наташку не ругайте, моя вина. Если вам нужно эти ваши галочки в тетрадь поставить, так на меня ставьте.

– Вячеслав, простите, я ничего не понимаю. Мурчик – это кто? Какая гладилка? – У Светланы Петровны начала болеть голова. Все-таки Славик – находка для шпиона, честное слово. Под стать Наташке. Та еще трещотка, разболтает тут же. Надо бы ему намекнуть, чтобы научился держать язык за зубами. Про гладильную комнату, приспособленную под комнату для свиданий, Светлана Петровна не знала, даже не предполагала. И не узнала бы, не проболтайся он.

– Мурчик? Так волкодав мой! – радостно принялся объяснять Славик, не поняв, что сболтнул лишнего. – Я ж говорю, он ласковый, как кот. Голову мне на колени положит, лапы свои длиннющие сложит и мурчит. Ну точно вам говорю! Наташка на меня даже обиделась. Я сказал, что у Мурчика лапы длинные, красивые. Я ж не знал, что она по поводу своих ног комплексует. Решила, что я сравниваю. А я что, debil? Она ж не псина, а женщина. Нормальные у нее ноги. Увесистые такие, икры толстые, ляхи пожать можно. Я люблю, когда увесисто, а не одни кости.

– Славик, избавьте меня от подробностей вашей личной жизни, – простионала Светлана Петровна. Голова болела уже нестерпимо. – Просто запомните. Клиент не должен бегать оплачивать парковку. Вы обязаны заправлять бак заранее, а не по дороге в аэропорт, как было с семьей, которую вы позавчера отвозили. Они написали плохой отзыв. Скажите

спасибо, что я его первой увидела.

– А чё такого-то? Время было! – возмутился Славик. – Я ж спросил, они согласились!

– Да, согласились, потому что очень хотели доехать до аэропорта и улететь. А вы, так сказать, отвечали за первую часть их возвращения домой. Вы бы стали спорить с водителем или предпочли бы доехать в целости и сохранности? Если люди соглашаются на заправку и ведут себя крайне вежливо, это не значит, что им это нравится. Точнее, им это совсем не нравится! Та семейная пара... Они наши постоянные гости. Муж крайне нервный. Он в аэропорт приезжает за три часа. А в тот день у него случился гипертонический криз – давление шарахнуло из-за вашей заправки, которая не была запланирована. Жена еле успела дать таблетку. Вот и подумайте об этом, когда в следующий раз решите заправиться по дороге.

– Ну я ж не знал, что он больной.

– Вячеслав, мы долго работали, чтобы получить статус четырехзвездочного отеля. И этот статус не позволяет нашим сотрудникам проявлять самостоятельность. Или вы подчиняетесь требованиям, или я вас увольняю. Все, можете быть свободны, – подвела итог Светлана Петровна. – Не забывайте, что вы на испытательном сроке. До первой жалобы.

– А чё с гладилкой? – уточнил Славик.

– Не чё, а что, – устало поправила старшая горничная. – Ваша гладилка меня волнует меньше трансфера.

– Ну чё, круто, – обрадовался водитель.

Светлана Петровна принялась правильно дышать и массировать точку на кисти между пальцами. На одном из форумов говорилось, что этот способ поможет быстро снять раздражение и успокоить нервную систему. Вскоре она тяжело вздохнула – опять наврала, ничего не помогает. Славик с Наташкой точно два сапога пара.

«Чё?» – спрашивала сидевшая на ресепшен администратор Наташа, услышав незнакомое слово. Впрочем, сидела она где угодно, только не на своем рабочем месте. При этом, надо признать, обладала бесценным качеством: в ее внешности все было чересчур. Нарощенные ресницы имели такую длину и густоту, будто она на каждый глаз посадила по пауку и те свесили свои лапки. Из-за этого Наташа моргала очень медленно и с некоторым усилием. Производимый эффект был завораживающим: с одной стороны, хотелось убедиться, что она сможет снова открыть глаза. С другой – в памяти представителей старшего поколения тут же возникали кукла Маша или Даша из детства, которые закрывали глаза, если их наклонить. Вот и Наташу хотелось вернуть в горизонтальное положение, чтобы помочь справиться с ресницами. Светлана Петровна замечаний Наташе не делала, поскольку видела в этом выгоду для отеля. Такие ресницы способны привлечь только Славика, а ревнивые супруги клиентов с более изысканным вкусом могли не беспокоиться, что их благоверные засмотрятся на миловидную администратор-

шу. Хотя, если бы они узнали, какие мысли проносятся в головах мужчин, даже самых изысканных, при взгляде на Наташу, то сильно бы удивились. К ресницам прилагались губы, тоже чересчур. Не пельмени, конечно, но вполне внушительный «свисток». А также груди, не уступавшие ресницам и губам в смысле выхода за грань приличия. Впрочем, губы и грудь администратора имели природное происхождение, в чем поначалу сомневался даже Славик, а убедившись в обратном, слегка обалдел от радости. Хотя Наташа и сама страдала от данных природой прелестей. Грудь третьего размера, граничащего с четвертым, носить было тяжело. Спина к вечеру просто отваливалась, какой лифчик ни надень. А губы... Наташа имела самые обычные губы, за одним исключением – сильнейшей аллергией на любую помаду. Она заметила этот эффект еще в старших классах школы, когда тайком красилась – губы тут же вздувались. Классная руководительница Дарья Андреевна отправляла ее в туалет смывать помаду. Наташа плакала и клялась, что уже давно все стерла. Дарья Андреевна подходила, доставала носовой платок и нещадно терла Наташины губы, отчего те становились только больше и ярче. Позже, уже убедившись в эффекте, Наташа специально красила губы, придавая им нужную припухлость. Потом поняла, что ей хватает привлекавшей излишнее внимание груди, и перестала злоупотреблять помадой. И вот теперь, встретив Славика, снова начала красить губы и смывать. Чем больше они становились, тем сильнее Наташа

навивалась Славику. Он просто с ума сходил. А ресницы? В отличие от груди, свои ресницы у Наташи были блеклые и редкие. Не накрасишь – так вообще смотреть страшно. А то, что чересчур, так это подруга Снежанка решила стать мастером по ресницам и практиковалась на Наташе. Не всегда получалось удачно. «Сделай натуральные», – просила Наташа. «Так и в чем тогда разница? Ты же не увидишь мою работу!» – отвечала Снежанка и лепила от всей души театральные, чтобы сначала ресницы, а потом все остальное.

Наташа была доброй, честной и искренней. Не имея собственных детей, она умилялась чужим. Тут же выдавала гостям, приехавшим с малышами, манежи, колыбельки, горшки разных цветов на выбор, велосипеды, самокаты, игрушки, шампунь без слез, детское пюре и прочее. Причем делала это с таким знанием дела, будто сама была или многолетней матерью, или прирожденным воспитателем в ясельной группе. Девочкам постарше она заплетала замысловатые косички, могла сделать прическу с разноцветными резиночками, накрасить ногти лаком, светящимся в темноте. Умела складывать из бумаги веера, кораблики, гадалочки, птичек и рыбок. Дети ее обожали. Никто не мог успокоить ребенка так, как делала это Наташа. Именно она настояла на покупке бустеров и детских сидений под разный возраст, рост и вес в машину, принадлежащую отелю, чем обеспечила еще один пункт дохода – трансфер. В машине всегда лежали влажные и обычные салфетки, запасные памперсы, вода, пакеты на

случай, если кого-то начнет тошнить. Она же потребовала купить в ресторан несколько детских стульев для совсем малышей и подушки, которые можно было положить на взрослые стулья для детей постарше.

К тому же Наташа умела восторгаться чемоданами новых постояльцев, укладкой или маникюром гости... Она могла заметить, что руки семидесятилетней женщины выглядят молодыми, максимум на сорок, и показать свои для сравнения. Доверительно рассказать поджарому мужчине далеко за пятьдесят, как выглядит ее отец в том же возрасте. И продемонстрировать фотографию. Светлану Петровну эти моменты трогали до глубины души. Славик хохотал, узнав, что фотографии Наташа скачала из интернета. Обман? Возможно. Но каждому человеку хочется верить в то, что он лучше, моложе, умнее другого. Вот на фото старый дед, а он – еще хоть куда. Одногодки, между прочим. Наташа, сверившись с паспортом гостя, прибавляла несуществующему отцу лет десять. Тот не возражал. Когда об обмане узнала Светлана Петровна, то опять заплакала.

– Наташа... зачем ты так? – спросила она. – Это же... о личном нельзя обманывать...

– Почему? – удивилась Наташа. – Это всегда работает. Вы же сами говорили, что я – лицо отеля и от меня зависит, придут к нам люди снова или нет. А они приезжают.

– Тебя это совсем не... коробит? – уточнила Светлана Петровна.

– Ну если бы у меня был отец, может, и коробило бы. Но его нет, так что... – Наташа пожимала плечами.

– Так нельзя, нельзя! – твердила Светлана Петровна и вдруг пустилась в длинный рассказ: – Когда умер мой отец, мне было четырнадцать, я чувствовала, что рухнула в яму, глубокую. До сих пор помню то ощущение. Пытаюсь выбраться, а меня засасывает глина. И я одна. Папы нет. Никто не может прийти на помощь. Я всегда была близка с отцом, даже ближе, чем с матерью. Может, поэтому и не смогла личную жизнь устроить. Никто не относился ко мне так, как отец. Я тогда плакала много дней, маме пришлось положить меня в клинику неврозов. Ну это сейчас бы так назвали, а в те времена... психушка, дурка. Помню тот момент. Мама будто выдохнула, избавившись от меня. Махала на прощание, улыбалась. Я стояла в палате у окна, она внизу, во дворе. Рядом гуляли по дорожкам настоящие психи, сумасшедшие. Они бормотали что-то себе под нос, размахивали руками, танцевали или застывали на месте, как статуи. А мама их не замечала. Она была такая счастливая, радостная, красивая. Вокруг – осенние листья. Мы с папой всегда осенью ходили в парк, искали самые красивые листья – красные, желтые с прожилками. Запах... Пахло опавшей листвой. А если поддеть ногой и пнуть, чтобы листья разлетелись, запах становился просто оглушительным. А еще можно посмотреть на небо – оно бывает совсем безоблачным, чистым, пронзительно-голубым. И сверху падают листья. Тебе на лицо. Мгнове-

ние острого счастья – этот кусок неба, мы с папой, стоящие задрав головы, падающие листья. Вот-вот лист попадет на лицо, но пролетает мимо. Я, как щенок, бегала и ловила листья, папа смеялся. Называл меня березкой. Я спрашивала: а кто он? Кустик? В его волосах всегда застревали ошметки леса, как он их называл. Я их снимала, смеясь, а через минуту папа опять стоял ну точно куст – то деревяшки в волосах застревали, то мошкара, то какие-то соцветия.

«Папа, ты кустик, что ли?» – спрашивала я, когда мы сиделись на скамейку. Папа говорил, «надо подставить носы солнцу». «Нет, я не кустик», – смеялся он. «Тогда ты дуб». – «Ну какой из меня дуб? Дуб, он о-го-го какой». – «Тогда ты яшень», – предлагала я. «Ну ладно, на ясеня согласен», – смеялся папа. Он любил придумывать рифмы. Мне волосы достались от мамы, к сожалению, тонкие и жидкие. Она, кажется, втайне завидовала папиной шевелюре и радовалась, когда он вдруг начал лысеть. Его кудри выпадали клочьями. Однажды я увидела, как он вытаскивает из стока ванной собственные волосы. Сток засорился, мама ругалась. Говорила, надо вызвать сантехника. Папа сказал, что вызовет. И вытащил из стока застрявшие волосы. Они все тянулись. Папа вытаскивал волосы и выбрасывал их в унитаз. И так – снова и снова. Он плакал. Я случайно подсмотрела. Это было страшно. Даже страшнее того дня, когда я оказалась в психушке. И до сих пор ничего страшнее в жизни не видела. Тот момент, когда папа доставал свои волосы из стока... Мама не заме-

чала или не хотела верить, что у папы рак. Он худел на глазах, ничего не мог есть. Его тошнило. Каким-то образом он держался, дожидаясь, когда мама уйдет на работу. И только я, сидя под дверями ванной, слышала, как его выворачивает. «Все хорошо, ты же знаешь, что мама может даже яичницу испортить. Опять перепутала соль с перцем, наверное, – смеялся папа, выходя из ванной и обнаруживая меня сидящей в слезах под дверью. – Пойдем, сделаю тебе гренки».

Папа всегда делал мне гренки в духовке. Выкладывал колбасу, помидор, сверху посыпал сыром. Дождался, когда сыр не просто расплавится, а покроется корочкой. Немного растекалось на противень, и именно эта корочка была самой вкусной. Папины гренки... я так и не смогла их приготовить для себя. Ни разу после его смерти.

Иногда мы спускались к реке покормить уток. Может, поэтому я осталась здесь так надолго? Благодаря уткам, воспоминаниям об отце? Тогда все кормили уток хлебом. Папа же заранее натирал на терке морковь, мелко резал яблоки. Говорил, что уток нельзя кормить хлебом, они от этого умирают. Но утки не умирали, в отличие от моего отца. Хватали хлеб, прямо как эти, местные... Дрались, ругались, спорили, забирали хлеб у птенцов. Однажды я увидела одинокого селезня – он плавал вдалеке от основного места. «Папа, он что, гадкий утенок?» – спросила я. «Нет, на гадкого утенка он не похож. Он прекрасный селезень», – ответил отец. «Его изгнали из стаи? Поэтому он один?» – уточнила я. «А может,

он сам захотел уплыть? Может, он селезень, которому надоело общаться с себе подобными? Или ему захотелось остаться в одиночестве и подумать? А остальные ему мешают, потому что галдят и крикают?» – рассмеялся отец. «Пап, он же утка». Я посмотрела на отца, не зная, шутит он или говорит всерьез. С ним всегда так было.

Папа улыбнулся. Вот тогда я и поняла, что он умирает. Он был этим селезнем, который не хотел есть ни хлеб, ни морковь, ни яблоки, которые я ему бросала. Он хотел, чтобы его оставили в покое – в этой заводи, рядом с кувшинками.

«Пойдем?» – попросила я. Папа смотрел на селезня уже добрых полчаса. Я замерзла и хотела вернуться домой. «Да, конечно», – ответил он.

Мы дошли до лестницы. Обычно бежали вверх, споря, кто быстрее. Но тут папа остановился на первом пролете и показал вдаль.

«Смотри, как красиво», – сказал он. «Да, красиво», – ответила я, хотя вид был самым обычным. Папа тяжело дышал. «Хорошо, пойдем дальше».

Он прошел пролет и снова остановился. Рядом стоял пожилой мужчина с переносным транзистором на батарейках. Транзистор хрипел, кашлял, выплевывал старые мелодии. Папа завел о нем разговор. Пожилой мужчина тут же откликнулся. Они бы еще долго разговаривали, если бы мужчину не окликнула супруга, а я – отца. Они тяжело преодолели еще один лестничный пролет. «Пап, что с тобой?» – спросила я.

«Просто в плохой физической форме», – отмахнулся он.

Мужчина, прощаясь, не просто подал ему руку, а немного приобнял, как отец обнимает сына.

Папа сгорел за два месяца. Сколько боли он вытерпел, я не знаю. Умер в больнице, не дома. На руках у медсестер или в одиночестве – не знаю тоже. Врачи говорили, что ничем помочь не могут, просили забрать. Но маме всегда было проще переложить ответственность на кого-то другого. Как случилось и со мной. Она не сидела на моей кровати, не держала за руку, не успокаивала, видя, как я безутешно оплакиваю отца. Она отвезла меня в психушку, а теперь стояла и махала. «Ну я же не врач, – объясняла она потом свое решение. – Там лучше знали, чем тебе помочь».

Мама искренне в это верила. Как и в то, что я, обколотая препаратами, смотрящая в пол, равнодушная ко всему окружающему, иду на поправку. Что мне куда лучше находиться в палате с привязанными к кроватям людьми, чем дома в своей постели. Что лучше есть разваренную перловку на завтрак и ее же на обед с той лишь разницей, что на обед кашу разбавляли мутным бульоном. Часто я оставалась без ужина из-за соседа по столу. Он считал, что нам в еду подсыпают яд, поэтому опрокидывал на пол содержимое и своей тарелки, и моей. Так он меня спасал, с его точки зрения. Новые порции нам не полагались. Пересесть за другой стол было запрещено.

Что можно простить близким людям? Говорят, что все.

Но я не могу простить папе, что он ушел так рано и бросил меня. Не могу простить маме, что она заперла меня в психушке. Я очень старалась, ходила в церковь, молилась за маму, просила Господа научить меня прощению, но не могу – и все.

Мне уже много лет, мама умерла, но я до сих пор ее вижу там, под окнами клиники, стоящую в окружении психов. Там, в осенних листьях, которые так любил папа, которые были только нашими.

Он любил гулять по утрам... Отводил меня в детский сад, потом в школу и отправлялся на прогулку. Иногда брал с собой, приводя в садик уже после завтрака или ко второму уроку в школу. Он будто играл в шпионов, делая так, чтобы мое отсутствие и прогулы никто не заметил. Объяснял воспитательнице и учительнице, что мы проспали, каялся, что забыл – его очередь отводить дочь, приносил роскошный букет из кленовых листьев или каштаны для поделок на всю садовскую группу или класс. Папа умел быть невероятно обаятельным. Все женщины таяли от его нежности, трепетности. Мама, когда я уже пошла в третий класс, возмущалась, говорила, что я достаточно взрослая, чтобы ходить самостоятельно. Папа все равно меня отводил, после чего спускался в овраг и еще ниже – к реке. Я плакала, мечтая пойти с ним, а не на уроки, но он обещал, что принесет мне букет. И если не каждый день, то через день точно приносил букет из листьев, цветов. Уже поздней осенью к красным кленовым

листьям он подкладывал цветы клевера. Как только они еще не отцвели? Иногда добавлял еловую ветку с шишкой. Не сорвал, явно подобрал. Я их ставила в старую турку, которую мама выбросила, а я вытащила из мусорного ведра. Эту турку когда-то купил папа, привез из Узбекистана, где был в командировке. Мама говорила, что турка неудобная – слишком длинная ручка, слишком узкое горлышко, да и сама кособокая. Все время кофе убегает. Поэтому и выбросила. Турка стала вазой для папиных листьев, клевера, одуванчиков.

Мама спокойно пережила смерть отца, а я – сорвалась. Я ее тогда возненавидела. Не понимала, как она может есть, спать, принимать душ, слушать музыку, куда-то ходить, веселиться... Будто ничего не случилось. Она жила дальше, а я не могла. Без папы. Мне повезло – в психушке я провела всего две недели. Потом научилась делать вид, будто все хорошо. Лишь бы не назад, туда, где ты превращаешься в овощ, где все продается и покупается, были бы деньги. Где насилуют, издеваются, унижают, наказывают... Просто так. Где мир рушится. И ты не знаешь, кто на твоей стороне – те безумцы рядом или считающиеся здоровыми людьми санитары, врачи, способные на чудовищные вещи. После психушки я перестала верить в людей. И в каждом искала что-то ненормальное, убедившись, что все вокруг – больные, включая мою собственную мать. Я видела, как самые родные люди отказываются от детей, мужей, жен. Это считалось нормальным. Им предлагали выход – отдать близких куда-то,

иногда навещать, приносить апельсины и яблоки и уходить в свою жизнь. И они были благодарны за это. Некоторые приплачивали главврачу, чтобы поддержать кого-то из близких еще неделю. Мне просто повезло. Маму заставили меня забрать. Больнице грозила проверка, для которой требовалась статистика по успешно излечившимся и выписавшимся. Я прекрасно подходила под эту категорию. Но и спустя две недели вернулась домой другим человеком. Похудевшей на пять килограммов. Там, в больнице, начала курить и научилась прятать таблетки, якобы их глотая. Я перестала верить в доброту людей, да и в людей в целом тоже. Я должна была смириться с горькой утратой, успокоиться. Но все получилось наоборот – не смирилась. Мать я ненавидела. И желала ей скорой смерти. Самой мучительной из всех возможных.

В детстве у меня был выраженный рвотный рефлекс. Шпатель во рту, чтобы проверить горло, лечение зубов – все заканчивалось жуткой рвотой. Вот там, в психушке, рвотный рефлекс мне и пригодился. Я выплевывала все принятые таблетки...

– Ну, значит, мне точно повезло. Не из-за кого было в психушку попадать, – выслушав рассказ Светланы Петровны, заметила Наташа.

Ее все любили – и дети, и взрослые. За искренность, точнее умение профессионально ее изобразить. Гостям она иногда рассказывала, что в одиночку воспитывает двоих детей, муж сбежал. Мать умерла, но у нее отличный отец. Помогает

ет, с внуками гуляет. Только Светлана Петровна знала, что у Наташи нет и не было никаких детей, как и сбежавшего мужа и отца, ставшего прекрасным дедушкой. Мать была жива и здорова, с поправкой на возраст, конечно. И мечтала стать бабушкой. Наташа придумала себе легенду, другую жизнь для работы, в которую охотно верили клиенты. Да и Светлана Петровна, умевшая отличить ложь от правды по первой фразе, по взгляду, мимике, могла поклясться, что Наташа говорит правду. Прирожденный талант какой-то. Наташа говорила: «Моя настоящая жизнь не продается. На выдуманной я могу заработать». Что было правдой. Она за отдельную плату соглашалась посидеть с детьми, покормить с ними уток, порисовать. Ну а как не доверить родное дитя такой прекрасной женщине, заботливой матери и дочери? Она могла напомним гостю про день рождения супруги и заранее заказать цветы или устроить сюрприз – ужин на берегу залива. Гости всегда оставляли щедрые чаевые. Светлана Петровна признавала, что Наташа – ценный кадр, без нее все рухнет окончательно, а найти такую же пройдоху вряд ли получится. Когда звонили новые гости, только Наташа могла их уговорить снять номер именно в их отеле. И возвращались даже те, кто был недоволен кухней, обслуживанием и прочим.

– Ты у них что, стокгольмский синдром развиваешь? – удивлялась старшая горничная. – Они же в прошлый раз жалобу написали, а теперь снова приезжают.

– Ну, может, они мазохисты? Или похудели после пребы-

вания у нас и снова хотят? – смеялась Наташа. – Или просто любят писать жалобы.

На день рождения Светлана Петровна подарила ей настольный звонок – тот самый, как в старых фильмах, дзинькающий, если нажать на пимпочку. Наташа собиралась обидеться – мол, она что, собака – по команде прибежать? Хотя Светлана Петровна и в мыслях подобного не держала! Ну хорошо, держала. Наташа могла уснуть днем или ночью, если оставалась в ночную смену, и ее нельзя было добудиться, хоть из пушки стреляй. Ситуацию спасал водитель Славик, дзинькавший звонком. Он недалеко ушел от детей, которые норовили нажать на звонок, пробегая мимо и хватая из ваочки маленькие конфеты карамельки с разными вкусами – тоже, кстати, Наташина идея.

Впрочем, на звонок она быстро перестала реагировать.

– Ну как можно так дрыхнуть! – с долей зависти восклицала Светлана Петровна. – Наталья, у тебя нервы вообще есть?

– А чё я могу сделать? Сплю и сплю, – пожимала плечами та.

Впрочем, вернемся в тот день и к той истории, которая началась с Галиного вопля. Единственным человеком во всем отеле, которого не потревожили крики Гали, была та самая администратор Наташа. Даже те, кто жил в противоположном конце коридора, их слышали. Но приняли за крик чаек и снова уснули. И никто, кроме меня, не знал, что Наташа

просто не могла услышать истошный крик, поскольку в отеле ее не было. А находилась она со Славиком в микроавтобусе, принадлежавшем гостинице. Так что хоть оборись, хоть обдзись, хоть обдзись, не дозовешься.

– Галя, какого... ты сюда зашла? – спросила Светлана Петровна, выразившись крайне непрофессионально по форме, но верно по сути. – Твою ж мать! – Последняя реплика раздалась после того, как старшая горничная наступила на красное пятно на белом прикроватном коврикe – такие лежали во всех номерах категории люкс.

После реплики Светланы Петровны Галя опять истошно заорала и голосила достаточно долго. Ей бы в певицы пойти, а не в горничные. Так держать ноту на одном дыхании...

В этот момент моя мама вскочила с кровати, накинула на себя банный халат и, матерясь, как грузчик, пошла выяснять, в чем дело. Я отправилась следом, поскольку давно не спала и мне было интересно, как будут развиваться события.

– Нет, ну вы вообще, что ли? – мама ворвалась в номер. – Просто невозможно! Я спать хочу! Можно, пожалуйста, заткнуться?

Светлана Петровна в этот момент рассматривала нечто красное, во что наступила белым, естественно, профессиональным сабо – обувью, которую носят врачи и повара. Старшая горничная купила себе такие и не могла нарадоваться.

Галя, которой она предложила приобрести такие же, заявила, что не «будет ходить в калошах», а Наташа ответила,

что предпочитает каблуки. Про то, что на каблуках ее ноги кажутся длиннее и не такими увесистыми, она промолчала. Ноги были ее главным комплексом – простые крестьянские ноги с широкой лодыжкой, пальцами, очень далекими от совершенства, но соответствующими строению стопы, выраженными икрами и нависшими над коленями жировыми складками. Наташа понимала, что от природы никуда не деться. Ноги получились неудачными, и она всячески старалась сделать их тоньше и длиннее. Только недавно купила новые туфли – каблук десять сантиметров, а не семь с половиной, как обычно. К концу смены ноги гудели и отекали, но Наташа терпела ради Славика. Ей казалось, что он как-то по-другому смотрит на нее, когда она ходит на шпильках. Славик же, если бы его кто-нибудь спросил, честно ответил, что ему вообще все равно – на каблуках Наташа или в валенках. Он смотрел на ее бедра, объемные, внушительные, представляя, как вечером она на него навалится и прижмет этими бедрами к постели. А лодыжки? Вряд ли Славик представлял, где вообще находится эта часть тела. Сиськи видел, Наташины бедра его вообще сводили с ума, а то, что находилось ниже, не имело никакого значения. Славик давно понял, что любит женщин корпулентных. Правда, этого слова он не знал и вряд ли бы понял его значение. Но Наташка ему нравилась. Прямо его типаж. Я же говорю: люди – идиоты. Почему им не приходит в голову просто поговорить о том, что кому нравится? Тогда и страдать не пришлось бы...

Светлана Петровна рассматривала красную субстанцию на своих профессиональных сабо и думала, чем ее смыть. Сабо тоже были новыми, как и туфли Наташи, и их было жалко.

– Это что, кровь? – ахнула моя родительница.

Я же говорю – это она во всем виновата. После этого замечания Галя снова заголосила. Если бы мама предположила, что пятно на ковре, например, от томатного сока, все было бы в порядке. Но нет. Мама переживала личную драму и хотела, чтобы окружающие страдали не меньше. Так что именно ее предположение про кровь плюс вопли Гали и запустили механизм этой истории. Следующей фразой родительница, так сказать, залакировала ситуацию:

– Надо вызывать полицию.

– Нет, – рывкнула совершенно непрофессионально Светлана Петровна. – Вы хоть понимаете, что здесь начнется и чем нам это грозит?

– Понимаю, – пожала плечами родительница, – убийством в отеле. Детектив.

Тут Галя опять завопила, показывая куда-то в угол. Там, на столике, на тарелке лежал нож. Его положили специально именно на тарелку, чтобы не пачкать стеклянный стол. Нож был тоже в чем-то красном.

Светлана Петровна, брезгливо поглядывая на испачканную обувь, смело подошла к столу, наклонилась, понюхала

нож и торжественно сообщила:

– Арбуз. Вон, и косточки на полу. Галя, надо будет тщательно пропылесосить.

– Нет! – закричала Галя. – Я не буду здесь убирать!

В этот момент в дверь номера постучали. На пороге стояли молодые люди. Вчера они отмечали медовый месяц и жили в номере молодоженов, который оказался именно над этим по соседству. Слышимость была прекрасная из-за гипсокартонных перекрытий – строители тоже люди, сэкономили. Девушка, судя по выражению лица, была явно недовольна брачными утехами. Молодой муж стоял с лицом «побыстрее бы напиться». Я же устроилась в кресле в углу, так что меня вообще никто не замечал.

– А что тут у вас случилось? – Девушка явно жаждала недостающего в медовый месяц адреналина и прочих гормонов, отвечающих за счастье. – Мы слышали крики...

– Убийство, – ответила моя мама раньше, чем Светлана Петровна успела раскрыть рот и успокоить постояльцев.

– Как в сериале, да? – восторженно воскликнула девушка.

– Молодые люди... за доставленные неудобства наш отель пришлет вам шампанское и фрукты... – Старшая горничная пыталась вести себя профессионально.

– А кого убили? – заинтересовалась девушка.

– Тетку, которая на все жаловалась, – ответила Галя, перестав вопить.

– Которая скандал закатила? – уточнила девушка. – Маша,

сбегай за шампанским.

Молодожена села на кровать и приготовилась ждать продолжения истории. Маша, то есть молодожен, тяжело вздохнул и ушел за шампанским.

– Не рановато? – уточнил он, прежде чем уйти.

– У меня медовый месяц! – обиделась молодожена.

– Какой скандал? Почему я не знаю? – нахмурилась Светлана Петровна.

– Она вчера закатила скандал за завтраком. Из-за плохо вымытого стола, – начала рассказывать молодожена. – Заставила официантку дважды протереть стол. Моя свекровь такая же маньячка. В каждый угол нос засунет, чтобы найти пыль. Я с ума схожу. Вот как мне убедить мужа забрать у нее ключи от нашей квартиры? Поставила условие – мы возвращаемся и ставим новые замки. Я ведь права? Но это же просто невозможно! Я выхожу из ванной, а она на кухне яичницу жарит. Видишь ли, я не умею жарить яичницу! Леша любит, когда желток вытекает, а я вечно пережариваю. И котлеты не такие делаю, как любит Леша. Хлеб добавляю в фарш, а не кабачок. Я ей сто раз говорила: Лариса Витальевна, пожалуйста, предупреждайте, когда хотите прийти. Но она не понимает. Леша говорит, что мама должна привыкнуть – мы же поженились через полгода после знакомства. Мол, слишком быстро. А я считаю, нормально. Зачем еще ждать? Если не женится, значит, не готов брать ответственность. А мне зачем время терять? Ну разве не так?

– Кабачок... это интересно. Я тоже хлеб кладу, – заметила Светлана Петровна.

– А мне неинтересно! – воскликнула молодожена. – Пусть сам встает и жарит, как ему хочется! Почему я должна жарить котлеты так же, как его мама? Может, у меня другой рецепт?

– Конечно, это ведь ваша жизнь, – согласилась Светлана Петровна.

– Вот и я так говорю! – радостно воскликнула девушка.

– Простите, а вас как зовут? – уточнила Светлана Петровна.

– Настя. Вот смотрите, у меня даже татуировка есть – мы с Лешей вместе сделали. А-А. Алексей и Анастасия.

– Очень романтично, – оценила Светлана Петровна.

– Вот! А Лариса Витальевна, моя свекровь, скандал закатила. Будто я ее Лешечку плохому научила. А это, между прочим, была его идея!

– Маша, я принес шампанское, открывать? – На пороге появился Леша.

– Ты с ума сошел? Оно же теплое! Поставь в холодильник.

– А если это место преступления? Вы уверены, что мы можем пользоваться холодильником? – зловеще спросила моя мама, заскучав от подробностей новой, едва сложившейся чужой личной жизни.

Леша, по всей видимости, привыкший повиноваться властным женщинам, застыл на пороге.

– Мася, положи бутылку в морозилку, – велела Настя тоном, не терпящим возражений. – Ее же не в холодильнике убили! И труп, даже расчлененный, там точно не поместится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.